

ДОПОЛНЕНИЯ И УТОЧНЕНИЯ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ ФЕТА В 20 ТОМАХ

Н. П. Генералова

I. ЗАГАДКА ОДНОГО АВТОГРАФА

Известную латинскую поговорку «Книги имеют свою судьбу» можно с полным правом применить и к автографам, каждый из которых тоже имеет свою, подчас очень непростую судьбу. Об одном из автографов Фета и пойдет речь далее.

В 1890 году в журнале «Нива» (№ 13. С. 342) было напечатано стихотворение Фета «*Quasi una fantasia*», которое в том же году вышло в составе четвертого выпуска «Вечерних огней».¹ Здесь под стихотворением появилась точная дата и место написания: «31 декабря 1889. / Москва». В трехтомном «Полном собрании стихотворений», подготовленном Б. В. Никольским, появилось еще одно уточнение: в скобках было указано, кому посвящено стихотворение, а именно Е. М. Семенкович.² Б. Я. Бухштаб, выпустивший первое критическое издание стихотворений Фета в серии «Библиотека поэта» (1937), подзаголовков не воспроизвел, хотя в комментариях отметил факт посвящения. С текстологической точки зрения ученый был абсолютно прав: при жизни Фета подзаголовков не вносился, в том числе и в Список (оглавление) Полного собрания стихотворений, задуманного поэтом незадолго до смерти, в 1892 году, где «*Quasi una fantasia*» помещено в раздел «Разные стихотворения».³ Следовательно, введение подзаголовка в издании Никольского, хотя и имело под собой основания (без сомне-

---

¹ Вечерние огни. Выпуск четвертый неизданных стихотворений А. Фета. М., 1891. С. 57–58. Несмотря на год, обозначенный на обложке, сборник вышел в свет раньше, в ноябре 1890 г. (см. объявление: *МВед.* 1890. 30 ноября. № 331. С. 1).

² *ПССм1901*. Т. 1. С. 120. С тем же подзаголовком стихотворение было перепечатано в изданиях 1910 и 1912 гг.

³ См.: *Лукина В. А.* К истории издания первого Полного собрания стихотворений Фета (Списки 1892 и 1893 гг.) // *ФетСб(2)*. С. 793.

ния, обстоятельства создания стихотворения были сообщены Никольскому мужем Е. М. Семенкович и наследником авторских прав Фета В. Н. Семенковичем), с текстологической точки зрения было очевидным произволом.

В том же виде стихотворение было напечатано в последующих изданиях «Библиотеки поэта» (1959, 1986). Однако в комментариях к последнему подготовленному Бухштабом изданию, вышедшему в 1986 году, появилось указание на существование чернового автографа стихотворения «в собрании В. В. Афанасьевой (Воронеж)» и была дана ссылка на письмо владелицы автографа в редакцию журнала «Русская литература».⁴ Более того, на странице 301 был воспроизведен и сам черновой автограф. Ни посвящения, ни даты и места написания, ни даже заглавия в черновике не было. Почти полное отсутствие знаков препинания и иная графика строф лишь подтверждали, что перед нами первоначальная редакция стихотворения.

Опровергая неточное указание в книге Е. З. Балабановича «Чехов и Чайковский» (М., 1973) на то, что Фет посвятил Е. М. Семенкович два стихотворения, В. В. Афанасьева писала: «Первое стихотворение («*Quasi una fantasia*». — Н. Г.) действительно посвящено моей матери. Посвящение обычно приводилось в дореволюционных изданиях собраний сочинений Фета. Черновик этого стихотворения хранится в моей семье».⁵ Очевидно, дочь упомянутой Евгении Михайловны Семенкович и двоюродного племянника Фета Владимира Николаевича Семенковича предоставила хранившийся в ее семье автограф (или фотографию с него) ведущему в то время специалисту по творчеству поэта и сообщила ему обстоятельства, при которых он оказался в ее руках. Правда, эти обстоятельства, так же как и ранняя редакция стихотворения, зафиксированная в автографе, не были отражены в книге, подготовленной Б. Я. Бухштабом. Впервые описание автографа (по не слишком четкой копии, приведенной в издании «Библиотеки поэта» 1986 года) и воспроизведение как ранней редакции стихотворения, так и внесенной в нее правки были введены в научный оборот в пятом томе выходящего ныне Собрания сочинений и писем Фета в 20 томах.⁶ Однако здесь была допущена одна неточность, о которой будет сказано ниже.

Приведем еще раз полностью первую редакцию стихотворения:

Сновиденье, пробуждение
Таёт мгла

---

⁴ *Сил* 1986. С. 676.

⁵ *Афанасьева В. В.* Письмо в редакцию // *ПЛ*. 1974. № 1. С. 239.

⁶ *Фет. ССил*. Т. 5. Кн. 2. С. 320.

Как весною надо мною
высь света

Неизбежно, страстно нежно
уповать
Без усилий
Всплеском крылий
Подлетать
В мир стремлений
Преклонений
и молитв
Волю чужа, не хочю я
Ваших битв

При этом в стихе 8 окончательный вариант «С плеском <крылий>» вписан над незачеркнутым первоначальным «Всплеском <крылий>», в стихе 12 окончательный вариант «Радость <чужа>» вписан над незачеркнутым «Волю <чужа>». Как выяснится далее, Фет будет колебаться в выборе вариантов лишь стихов 8 и 9 (при дальнейшем изменении графики строф это стихи 11–12). Вписанный вариант стиха 12 («Радость <чужа>») первоначальной редакции станет окончательным уже в следующей, промежуточной редакции, которая будет послана в письме к Я. П. Полонскому 5 января 1890 года (см. ниже). В добавление к сказанному следует отметить, что, строго говоря, автограф дает возможность зафиксировать еще один вариант стиха 8, поскольку перед «Всплеском крылий» сначала Фет подписал «с», а «плеском» вписано над незачеркнутым «Всплеском». Таким образом, варианты этого стиха должны выглядеть следующим образом:

- а) Всплеском крылий
- б) С всплеском <крылий>
- в) <С> плеском <крылий>

Отправляя стихотворение Полонскому, Фет записал еще один вариант стиха — «В плеске крылий», которого не было в черновике, что и дает основание считать эту редакцию стихотворения промежуточной.

Правдоподобную версию истории создания стихотворения находим в статье Натальи Николаевны Горбачевой, внучки В. Н. Семенковича и двоюродной правнучки Фета, которая называет поэта своим «прадедом», старшую сестру своей матери Екатерины В. В. Афанасьевой «тетей Верой», а Е. М. Семенкович «бабушкой Женей».⁷ По утверж-

⁷ Горбачева Н. По страницам семейных архивов. Мемуары. Лирика. Книга 3-я. М., 2001. Далее ссылки даются на это издание. Сокращенный вариант очерка был опубликован ранее: Горбачева Н. Н. Фет — Семенкович — Чехов // А. А. Фет: Про-

дению Горбачевой, «тетя Вера» была хранительницей семейного архива и автором воспоминаний, отрывки из которых она приводит в своей книге.

Чтобы разобраться в непростых родственных отношениях Фета с Семенковичами, следует напомнить, что у Афанасия Неофитовича Шеншина, которого поэт считал своим отцом, было несколько братьев и сестер. Одна из них, Анна, была замужем «за небогатым офицером из поляков — Семенковичем и проживала, — как писал Фет в своих воспоминаниях, — в своем наследственном имении под Орлом, на реке Оптухе».⁸ Поэт надолго запомнил, как в детстве ему ставили в пример умение двух кузенов Семенковичей выполнять образцовые чистописания. С сыном одного из них, Владимиром Николаевичем, поэт позже сошелся довольно близко. Ему М. П. Шеншина, по договоренности с мужем, завещала авторские права на литературное наследие Фета.⁹

блемы изучения жизни и творчества. Курск, 1994. С. 246–269. Любопытно, что восприемником матери Н. Н. Горбачевой, Екатерины Владимировны, при родах был А. П. Чехов, состоявший в дружеских отношениях с семьей В. Н. Семенковича, жившего по соседству.

⁸ РГ. С. 33. Мужа Анны Неофитовны звали Василий Петрович. В его формуляре значится, что с 1791 г. он служил в Тобольском мушкетерском полку, в 1804 г. вышел в отставку штабс-капитаном, в 1812 г. вступил в 1-й пехотный полк Московского ополчения, в котором командовал батальоном, а в сражении при Бородине «был ранен пулей в ногу» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 2144. Л. 7 об.—8). При крещении его младшего сына Александра восприемником был будущий отец Фета Афанасий Неофитович Шеншин (Там же. Л. 4. Сообщено И. А. Кузьминой). Правда, по семейному преданию, Семенковичи происходили не из поляков, а из сербов, первый из них, по имени Петко, был выписан Екатериной II как искусный резчик по драгоценным камням и работой своей так угодил царице, что она одарила его землей и дворянским титулом. В основном представители этого рода были военными (*Горбачева Н.* Указ. соч. С. 10).

⁹ По завещанию М. П. Шеншиной (Фет) В. Н. Семенковичу отходили «право собственности на издание сочинений и переводов мужа моего Аф. Аф. Шеншина-Фета, а равно принадлежащие мне как изданные, так и находящиеся в печатании сочинения его», а также «движимое имущество, находящееся в имении, состоящем Воронежской губернии Землянского уезда при деревне Васильевке, в том числе и весь состав конного завода верховых лошадей» (РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. № 55). Отметим, что в духовном завещании самого Фета имя Семенковича не упоминается. Все движимое имущество, «где бы таковое ни оказалось и в чем бы ни заключалось», поэт завещал супруге. Что касается имения Воробьевка и дома на Плющихе, то они не фигурировали в тексте завещания, поскольку изначально были оформлены на имя жены. В завещании, правда, было оговорено, что после смерти Марии Петровны недвижимое имение в деревне Васильевка, доставшееся поэту от брата П. А. Шеншина, как и село Ольховатка, доставшееся по завещанию П. И. Борисова, должны отойти племяннице О. В. Галаховой (урожд. Шеншина) (см.: *Матвеева Н. С.* Духовное завещание А. А. Фета-Шеншина // А. А. Фет: Проблемы творче-

Инженер-механик Владимир Николаевич Семенкович (1861—1932) был довольно заметной фигурой в своей среде, дослужился до чина действительного статского советника, был награжден многими знаками отличия и даже попал в словарь высшего чиновничества Российской империи.¹⁰ Однако в случае Семенковича чиновничья карьера была следствием действительно выдающихся заслуг ученого, отдавшего много лет изучению Русского Севера, Черного моря и других морских рубежей России, автора нескольких книг, не потерявших значения по сей день,¹¹ педагога, читавшего лекции в Археологическом институте, где он возглавлял кафедру исторической географии, известного благотворителя. Именно за «отлично-усердную службу» в Московском совете детских приютов В. Н. Семенковичу в 1912 году был пожалован чин действительного статского советника.¹² Помимо род-

---

ского метода, традиции. Курск, 1989. С. 94—97). Очевидно, эти распоряжения мужа М. П. Шеншина выполнила.

¹⁰ Волков С. В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. М., 2016. Стб. 1916.

¹¹ Семенкович В. Н. 1) Опасное начинание: Несколько слов о реформе нашего фабричного дела. М., 1893; 2) Морские письма Черноморца <В. Н. Семенкович>. Север России в военно-морском и коммерческом отношениях. М., 1894. Сохранились экземпляры этих книг с дарственными надписями А. П. Чехову.

¹² В формулярном списке, составленном в 1901 г., В. Н. Семенкович, «из дворян», значится почетным членом Московского совета детских приютов, имеющим «серебряную медаль для ношения на груди на Андреевской ленте в память священного коронавания государя императора Николая Александровича», не владеющим никаким имением, хотя известно, что в 1894 г. Семенкович приобрел по соседству с чеховским Мелехово имение Васьино. Закончивший Техническое училище Морского ведомства и произведенный в прапорщики в 1883 г., в том же году Семенкович был зачислен в 1-й Черноморский флотский экипаж, затем произведен в подпоручики, затем в инженер-механики, был командирован в Бельгию и Германию для изучения механики при строительстве первых русских миноносцев. В 1891 г. уволен от службы «по домашним обстоятельствам с награждением чином титулярного советника» (РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 2144. Л. 57 об.—59. Сообщено И. А. Кузьминой). В 1914 г. В. Н. Семенкович уже значится директором Александринского мужского ремесленного приюта, действительным членом императорского Московского общества сельского хозяйства, ученым археологом, почетным, затем действительным членом и ассистентом на кафедре исторической географии Московского археологического института, профессором и корреспондентом Интернациональной Академии в Тулузе, почетным членом братолюбивого общества снабжения неимущих квартирами и пожизненным членом императорского Общества содействия российскому торговому мореходству. Он был награжден орденом св. кн. Владимира 4-й степени и другими знаками отличия (см.: Горбачева Н. Указ. соч. С. 17). О судьбе Семенковича после революции узнаем из той же книги Н. Н. Горбачевой: «С первых же дней революции дед мой стал служить новой России, ибо знал, что Россия — всегда Россия, и ей нужны его знания и его труд» (Там

ства с Фетом и общения с ним и близким поэту кругом, Семенкович известен как один из знакомых и корреспондентов А. П. Чехова, с которым жил по соседству, он был знаком с Л. Н. Толстым и бывал в Ясной Поляне.¹³

Жена В. Н. Семенковича Евгения Михайловна, урожденная Телятникова (1866—1920), происходила из семьи севастопольского 2-й гильдии купца М. А. Телятникова, была выпускницей Петербургской консерватории и отличалась вдохновенной игрой на рояле, о чем сохранилось немало воспоминаний современников.¹⁴ В 1887 году, вскоре после венчания, Семенковичи поселились в Москве на Большой Никитской¹⁵ и стали частыми гостями в доме Фетов на Плющихе, где Евгения Михайловна нередко садилась за инструмент. Во время одной из таких встреч, когда Евгения Михайловна исполняла сонату

же. С. 46). Уже в 1918 г. он вступает в члены Всероссийского союза инженеров, принимает участие в реформе школы, читает лекции в разных учреждениях, даже на курсах судовых кочегаров, получает персональную пенсию, участвует в Съезде изобретателей и получает патент на одно из изобретений (Там же. С. 46—49).

¹³ Подробнее о В. Н. Семенковиче см.: *Горбачева Н.* Указ. соч. Здесь же воспроизведены фотографии из семейного архива.

¹⁴ Т. Л. Щепкина-Куперник вспоминала, как А. П. Чехов возил ее к своим соседям Семенковичам «только затем, чтобы послушать Бетховена: хозяйка дома превосходно играла. И когда он слушал Лунную сонату, лицо его было серьезно и прекрасно» (*Щепкина-Куперник Т. Л.* О Чехове // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1986. С. 256). Одним из поклонников исполнительского мастерства Е. М. Семенкович был поэт и философ Вл. С. Соловьев, нередко навещавший Фета. В одном из писем к поэту он просил передать Е. М. Семенкович прилагаемую книгу — очевидно, недавно вышедший первый сборник своих стихотворений (М., 1891) — с дарственной надписью (см.: Переписка Фета с Вл. С. Соловьевым (1881—1892) / Публ. Г. В. Петровой // *ФетСб(2)*. С. 419). Пользуясь случаем, отметим, что в комментариях к указанному письму (№ 34) допущена ошибка: Е. М. Семенкович названа женой двоюродного племянника Фета Владимира Петровича (а не Николаевича) Семенковича, а также неточно указана дата его смерти: 1939 г. (Там же. С. 421, примеч. 4). Соответственно в указатель к тому наряду с реальным В. Н. Семенковичем ошибочно попал несуществующий «племянник» В. П. Семенкович. По сообщению Н. Н. Горбачевой, в 1904 г. супруги Семенковичи развелись, Евгения Михайловна приняла предложение директора Симферопольской музыкальной школы и уехала с младшим сыном Александром в Симферополь, где организовала частную школу, называвшуюся «Музыкальная школа свободного художника Е. М. Семенкович», а также состояла «бессменным членом музыкального общества „Анчар“» (*Горбачева Н.* Указ. соч. С. 16, 19).

¹⁵ Дом № 22 по Большой Никитской достался В. Н. Семенковичу по завещанию его родной тетки по матери Варвары Владимировны Кохановской, урожденной Кривцовой, принявшей большое участие в воспитании племянника (см.: Там же. С. 13). Венчание В. Н. Семенковича и Е. М. Телятниковой состоялось 19 августа 1887 г. (Там же. С. 18).

Бетховена «*Quasi una fantasia*», которую впоследствии стали называть «Лунной сонатой», и было создано стихотворение, получившее то же заглавие: «*Quasi una fantasia*». Вот как описала этот случай В. В. Афанасьева (несомненно, со слов матери) в письме 1977 года к директору ОГЛМТ В. В. Сафроновой: «31-го декабря мои родители были приглашены к Шеншиным на встречу Нового года. Как всегда, моя мать много играла. Во время исполнения ею сонаты „*Quasi una fantasia*“, А. А. Фет, сидя в кресле и слушая игру, набрасывал на листочке бумаги слова своего нового стихотворения „*Quasi una fantasia*“. Когда моя мать окончила играть, Афанасий Афанасьевич, поблагодарив ее за доставленное удовольствие, протянул ей этот листочек со словами: „Вам, Женечка, посвящается“. С тех пор этот листок всегда хранился у моей матери». Приведя эту цитату, Горбачева пишет: «Сейчас рукописный текст этого автографа хранится в г. Орле».¹⁶ Это утверждение, однако, оказалось неточным.

При подготовке пятого тома Собрания сочинений и писем Фета в 20 томах была предпринята фронтальная сверка всех сохранившихся автографов, причем в текстологической части комментариев было дано полное описание каждого из них. Когда дело дошло до стихотворения «*Quasi una fantasia*», пришлось обратиться в Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева, куда предположительно был, как утверждала в своей статье Горбачева, передан автограф Фета. Несмотря на тщательные поиски, следов автографа в музее не оказалось. Если бы не публикация его в указанном выше издании «Библиотеки поэта», можно было бы предположить, что В. В. Афанасьева изложила в своем письме одно из семейных преданий.

Однако недавно в Рукописный отдел Пушкинского Дома обратился человек, попросивший провести экспертизу одного документа. Каково же было удивление составителей пятого тома, когда в легком карандашном черновом наброске они узнали руку Фета и тот самый автограф, который тщетно искали в Орле. Это оказалась небольшая полоска бумаги («листочек», как верно писала В. В. Афанасьева), сложенная в три раза, сам же черновик записан в нижней части узкого листка. Черновики Фет действительно нередко писал на небольших листках, иногда аккуратно вырезанных из полученных писем (поэт был

---

¹⁶ Горбачева Н. Указ. соч. С. 29–30. В своих публикациях Горбачева ошибочно называет директора ОГЛМТ В. В. Сафронову Сафоновой. Встречаются и другие ошибки памяти: например, она утверждает, что Фет бывал в купленном В. Н. Семеновичем в 1894 г. имении Васькино (С. 40), хотя этого быть никак не могло, тем более что, как она рассказывает со слов матери, для ремонта полуразрушенного имения Семеновичу пришлось продать часть завещанных ему коней фетовского конезавода (С. 30).

бережлив!). Казалось бы, история, рассказанная В. В. Афанасьевой, нашла полное подтверждение, если бы не правка, внесенная в автограф рукой Фета.

Дело в том, что через несколько дней после создания стихотворения, а именно 5 января 1890 года Фет послал его, как он это часто делал, на суд Я. П. Полонскому. Но это была уже доработанная редакция, хотя пока без заглавия и указания на дату и место написания. Как было сказано выше, доработка коснулась в основном стихов 11–12 (по счету окончательной редакции), которые приняли следующий вид:

В плеске крылий
Подлетать, —¹⁷

Полонский откликнулся на присылку стихотворения 11 января 1890 года: «...как-то неграмматично, — писал он:

В плеске крылий
Подлетать
В мир стремлений...

Не лучше ли — *С плеском крылий и улетать* — вместо *подлетать*, — ибо *подлетать* — к чему — а *улетать* во что». ¹⁸ Фет прислушался к мнению друга, однако не последовал его совету.

Дело в том, что еще до получения письма от Полонского, в письме от того же дня, то есть 11 января 1890 года, к великому князю Константину Константиновичу («К. Р.») он послал еще одну редакцию стихотворения, которая по существу стала окончательной, если оставить в стороне вопрос о пунктуации, претерпевшей некоторые изменения. В письме к К. Р. стихотворение уже было записано под своим заглавием, с указанием даты и места написания:

QUASI UNA FANTASIA

Сновиденье,
Пробужденье,
Таёт мгла;
Как весною
Надо мною
Высь светла.

Неизбежно,
Страстно, нежно
Уповать,

---

¹⁷ ИРЛИ. № 11843б (Архив Я. П. Полонского). Л. 88 об.

¹⁸ Там же. № 11843а (Архив Я. П. Полонского). Л. 92. См. также: *Фет/Полонский*. С. 786.

Без усилий
С плеском крылий
Залетать —

В мир стремлений,
Преклонений
И молитв;
Радость чужь,
Не хочу я
Ваших битв.

31 декабря
1889.¹⁹

На первый взгляд, Фет исправил стихи 11–12 по замечаниям Полонского. Но было ли так на самом деле? Б. Я. Бухштаб, приведя строки из письма Полонского в издании 1937 года, оставил их без комментария. Однако уже в издании «Библиотеки поэта» 1959 года говорится: «Первоначальный вариант исправлен по указанию Я. П. Полонского <...>».²⁰ Таким образом, редакция стихотворения, посланная Полонскому, вторая по счету, ошибочно названа первоначальной. Эта ошибка вполне понятна: в то время черновой автограф стихотворения был еще неизвестен. Что же касается последнего издания большой серии «Библиотеки поэта», подготовленного Бухштабом, то, как уже говорилось, в нем появилось не только указание на существование черного автографа, но и его воспроизведение. Тем не менее в комментариях по-прежнему осталась фраза: «Первоначальный вариант исправлен по указанию Я. П. Полонского <...>».²¹ Сказанное по сути повторилось в издании «Литературного наследства», где была полностью опубликована переписка Фета с Полонским: «Изменения, предложенные Полонским, Фет внес в обе публикации этого стихотворения (Нива. 1890. № 13; ВО 4. № XLIII)».²²

На загадочное совпадение в датах писем Фета к К. Р. и Полонского к Фету — 11 января 1890 года — впервые обратила внимание Ю. П. Благоголина, готовившая часть переписки Фета с К. Р. для второй книги того же тома «Литературного наследства». В примечаниях к письму Фета читаем: «Полонский ответил Фету 11 января 1890 г. <...>, сделал при этом ряд замечаний, которые, как принято считать, были Фетом учтены при публикации. Но парадокс состоит в том, что публикуемое

---

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 137. № 76. Л. 10 об.—11. См. также: *Фет/К. Р.* С. 804.

²⁰ *ПССМ1959.* С. 774.

²¹ *Суп1986.* С. 676.

²² *Фет/Полонский.* С. 787, примеч. Т. Г. Динесман.

письмо Фета к К. Р. датировано тем же числом, что и письмо Полонского <...>, а стихотворение дано в нем уже в „печатной“ редакции. Эта нестыковка в датах может объясняться двояко: либо Полонский ошибся в датировке своего письма и оно написано по крайней мере на день раньше (дата письма Фета к К. Р. сомнения не вызывает, т. к. оно написано в день получения п. 106 (Имеется в виду телеграмма К. Р., сообщавшая о рождении в семье дочери Татьяны. — *Н. Г.*) и накануне Татьянина дня, т. е. 11 января), либо Фет внес правку не по замечаниям Полонского, а самостоятельно.²³

Очевидно, что составители «Литературного наследства» не обратили внимания на черновой автограф, воспроизведенный в издании «Библиотеки поэта» 1986 года, который свидетельствовал, что второе предположение Ю. П. Благовоиной было единственно правильным. И все же нужен был подлинник, чтобы поставить точку в этом вопросе. По воспроизведенной копии было трудно определить, чем написан черновик стихотворения, и, разумеется, невозможно было догадаться, что правка произведена тем же карандашом. Слегка размытая фотография скорее подсказывала, что черновой автограф записан чернилами, как ошибочно утверждалось в текстологическом комментарии в вышедшем пятом томе Собрания сочинений и писем Фета.²⁴ Таким образом, история создания стихотворения «*Quasi una fantasia*», рассказанная В. В. Афанасьевой, полностью подтвердилась.

II. ЗАБЫТЫЙ КУПЛЕТ (О стихотворении Фета, посвященном художнику Н. Е. Рачкову)

Во вторую книгу пятого тома Собрания сочинений А. А. Фета в 20 томах, вышедшую в 2015 году, вошло немало стихотворений, переводов и даже поэм, ранее никогда не печатавшихся. Среди них четверостишие, посвященное известному в свое время художнику Николаю Ефимовичу Рачкову (1825—1895), которое было помещено в раздел «*Dubia*»:

В стране холмов и буераков,
В стране грачей и соловьев,

---

²³ *Фет/К. Р.* С. 805.

²⁴ *Фет. ССUII.* Т. 5. Кн. 2. С. 320.

Обилья рыб и тучных раков
Тебя приветствую, Рачков.¹

В комментариях указано, что стихотворение печатается по отрывку воспоминаний племянника Фета С. Д. Боткина (1869—1945), опубликованному Б. Ф. Егоровым в книге «Боткины».² В будущем известный дипломат, С. Д. Боткин был сыном одного из славных представителей знаменитой купеческой семьи — Дмитрия Петровича Боткина, с которым поэта связывала многолетняя дружба. Именно С. Д. Боткину и его брату Петру завещала после своей смерти Мария Петровна Шеншина знаменитую Воробьевку. Фотографии имения, сделанные юным Сергеем Дмитриевичем, составили целый альбом, хранящийся ныне в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Указанное четверостишие С. Д. Боткин воспроизвел в своих воспоминаниях по памяти, уточнив, что, будучи в Воробьевке, они с отцом, братом и Фетом часто ездили «в большой темный лес, ловили рыбу и раков неводом и удочкой». Спутником их бывал и упомянутый художник: «Нас, детей, очень забавлял своими шутками и остротами художник Н. Е. Рачков».³

Помещая запомнившееся С. Д. Боткину четверостишие в раздел «Dubia», составители руководствовались не только тем, что автограф стихотворения не был известен, но и тем, что воспоминания Боткина страдают значительным числом неточностей. Например, он приписал П. В. Шумахеру написанную И. С. Тургеневым эпиграмму на Н. Х. Кетчера («Вот еще светило мира!..»), воспроизведя ее к тому же неточно.⁴ Однако недавно И. А. Кузьмина указала нам на забытые воспоминания о Н. Е. Рачкове известного революционера-народника, впоследствии графика и художественного критика С. С. Голоушева, писавшего под псевдонимом Сергей Глаголь (1855—1920), где не только обнаружился полный текст стихотворения Фета, посвященного Рачкову, но и сообщалось, что оно воспроизводится по автографу, найденному в архиве художника после его смерти. Голоушев познакомился с Рачковым, когда тому уже было далеко за пятьдесят, но разница в возрасте не помешала им сблизиться. «Я забыл, что предо мною старик, человек прошлого поколения, — писал Голоушев. — Какое одушевление, какой интерес ко всему свежему и молодому, какое преклонение перед великими произведениями нашего времени! И при всем этом такая масса

---

¹ *Фет. ССулП.* Т. 5. Кн. 2. С. 223.

² *Егоров Б. Ф.* Боткины. СПб., 2004. С. 288 (сер. «Преданья русского семейства»).

³ Там же. С. 304.

⁴ Ср.: *Тургенев. Соч.* Т. 12. С. 308.

добродушного юмора и остроумных сравнений. С первой же встречи я полюбил старика всей душой, просидел с ним чуть не полдня и затем до самой его кончины мы оставались добрыми друзьями». ⁵ О характере художника вспоминала дочь П. М. Третьякова Вера Павловна Зилоти, говоря о тех, кто приезжал поздравлять Третьяковых на Пасху и Рождество: «Еще позднее заходил Николай Ефимович Рачков. Мы всегда его ждали. Он был не очень яркий художник, но воспитанный и веселый. Делал разные едкие замечания и рассказывал смешные вещи. Он приходил иногда к нам обедать в городе и приезжал и на дачу (в нашем детстве). Мы смеялись над тем, что казалось нам понятным, и над тем, что не могли понять, но заражали смехом все вокруг». ⁶

Помянул добрым словом С. С. Голоушев и картины Рачкова, пользовавшиеся в свое время большой популярностью, хотя и не признал в нем выдающегося художника: «Писал Рачков по-старинному, с подмалевкой и большой условностью. Его картинам далеко до той силы, какую дышат произведения наших натуралистов, но в его вещах всегда было что-то, заставлявшее забывать и их условность, и погрешности рисунка. Всегда перед вами было живое, задорно-веселое или грустное личико, и всегда чувствовалось, что художник горячо любил это лицо, а это как-то невольно передавалось и зрителю». ⁷ Среди лучших картин Рачкова Голоушев назвал «Бабушку и внучку» и «Девушку у ворот», хранящиеся в Третьяковской галерее.

Мастер портретной и жанровой живописи, Рачков остался в истории автором многочисленных картин, отражающих быт своего времени, он участвовал в выставках, и работы его пользовались спросом, особенно детские и женские головки. Некоторые из них воспроизводились на открытках. Между прочим, им был написан портрет Фета — уже совсем пожилого, в белом парусиновом костюме и такой же фуражке — сидящего на стуле возле увитой плющом стены своего воробьевского дома. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что портрет выполнен не с натуры, а по фотографии, на которой поэт был запечатлен в июле 1890 года. Рядом с ним находились частые гости Воробьевки Н. Н. Страхов и щегольски одетый Яков Полонский, которых Рачков не воспроизвел. ⁸ Тем не менее достоинства этого

---

⁵ *Глаголь С.* Художник Николай Ефимович Рачков // Искусство и художественная промышленность. Ежемесячное иллюстрированное издание императорского Общества поощрения художеств в С.-Петербурге. 1899. № 11 (Август). С. 882.

⁶ *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. М., 1998. С. 22—23.

⁷ *Глаголь С.* Художник Николай Ефимович Рачков. С. 882.

⁸ Эта групповая фотография была сделана С. Д. Боткиным, в настоящее время хранится в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Воспроизведена: *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 501; *Фет. ССЦП*. Т. 5. Кн. 2, фронтиспис.

А. А. Фет.
Портрет работы Н. Е. Рачкова

портрета признаются специалистами.⁹ Можно предположить, что портрет был заказан художнику уже после смерти Фета кем-то из его знакомых или родственников. В настоящее время он находится в Музее Л. Н. Толстого в Москве.¹⁰

---

⁹ «Несмотря на то, что портрет этот написан по фотографии, тем не менее художнику удалось создать необычайно жизненный образ поэта» (*Кузнецова Э. В., Подкопаева Ю. Н.* Николай Ефимович Рачков. 1825–1895 // *Русское искусство: Очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века* / Под ред. А. И. Леонова. М., 1958. С. 612).

¹⁰ Впервые портрет Фета работы Рачкова был воспроизведен: *Переписка Толстого с Фетом* / Публ. Н. Покровской // *ЛН*. Т. 37–38. С. 219.

Мы пока не знаем точной даты знакомства Фета с Н. Е. Рачковым. Оно могло произойти еще в 60-е годы, когда художник переехал в Москву и сблизился с Д. П. Боткиным, или же они могли познакомиться благодаря общению Рачкова с К. Т. Солдатенковым, который был также знаком с Фетом и даже издал в 1863 году наиболее полное собрание его стихотворений и переводов в двух томах.

В статье С. Голоушева приводится несколько цитат из дневника Рачкова, что лишь подтверждает подлинность приведенного ниже сообщения: «Благодаря Дм. Петр. Боткину Рачков съездил с ним несколько раз за границу, познакомился с лучшими галереями и развил свой вкус, а сближение с К. Т. Солдатенковым и др. ввело его в литературные кружки и сдружило между прочим с покойным Фетом, шутили-вое стихотворение которого я нашел после смерти Н. Е. Рачкова заложенным в одной из немногочисленных тетрадей его дневника. Вот это стихотворение:

В стране дубов и буераков,
В стране сморчков и соловьев,
И карасей и крупных раков,
Тебя приветствуем Рачков!

Чего ж, оставя пустословье,
Тебе от сердца пожелать?
Чтобы талант твой и здоровье
Сто лет не двигались вспять».¹¹

Как видим, подлинный текст стихотворения весьма далек от того, что сохранила память С. Д. Боткина. Можно предположить, что стихотворение было поздравительным ко дню рождения художника, однако дату его написания определить сложно. Предложенная в Собрании сочинений и писем дата «После 1878», скорее всего, пока остается наиболее вероятной, ведь в Воробьевку, приобретенную в 1877 году, Фет мог пригласить Рачкова, лишь когда немного обустроился в новом имении. Таким образом, можно считать, что помещение четверостишия в раздел «Dubia» оказалось вполне обоснованным.

---

¹¹ *Глаголь С.* Художник Николай Ефимович Рачков. С. 889.